

Екатерина СЕРГАЦКОВА
Артём ЧАПАН
Владимир МАКСАКОВ

Война на три буквы

Екатерина Сергацкова

Война на три буквы

«ОМІКО»

2015

ББК 66.3(4УКР)

Сергацкова Е.

Война на три буквы / Е. Сергацкова — «ОМІКО», 2015

ISBN 978-966-03-7168-2

В этой книге опубликованы репортажи и собраны свидетельства очевидцев о том, что произошло в Украине в период с 22 февраля 2014 года (бегства Януковича) и до начала 2015-го: об аннексии Крыма, последовавшей за этим антитеррористической операции на Донбассе, о трагедии в Одессе и развернувшейся вскоре после незаконных референдумов полномасштабной войне, которую назвали тремя буквами: АТО. Авторы, непосредственно побывавшие в «горячих точках» Украины, не раз пересекавшие границы территорий, подведомственных украинской армии, «ополченцам» ДНР и ЛНР, встречавшиеся с военными и простыми людьми по обе линии фронта, пытаются разобраться, что же происходит на самом деле, как правильно назвать эти военные действия: антитеррористической операцией, гражданским конфликтом или российско-украинской войной, изменившей и Украину, и мир вокруг нее.

ББК 66.3(4УКР)

ISBN 978-966-03-7168-2

© Сергацкова Е., 2015

© ОМІКО, 2015

Содержание

От авторов	5
«Зеленые человечки» и «референдум» в Крыму	7
Poker face по-крымски	7
Всё наоборот	9
Вирус в активной фазе	11
Юлий Мамчур – герой из «Бельбека»	13
Феодосия и Керчь. Приглашение в бойцовский клуб и цветы	15
Конец первой крымской весны. Разговор с «зелеными человечками»	17
Жемчужина Крыма. Кулачный бой	19
Между Киевом и Москвой	21
Чим живе пост-Майдан: чорний «Майбах» і Одноногий Тіхарь	21
Подивись на Крым! А якщо «триколори» сюди придуть?	21
Мы их тут охраняем. А они...	21
Засланий козачок	22
Кожній сім'ї потрібен робот	22
Чорний «майбах» і хорори Майдану	23
Підеш на підвал	24
Проштрикувати ментів арматурою	24
У кого цікавіше стріляти	25
Брат «Че Гевари»	25
Чекаючи на зачистку	26
Московское время	27
Украинские военные в Крыму. Сложный выбор	28
Новые «республики» и трагедия в Одессе	31
Чего хочет «Донецкая народная республика»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Екатерина Сергацкова
Артём Чапай
Владимир Максаков
Война на три буквы
Хроника противостояния в репортажах
и свидетельствах очевидцев

От авторов

– Кажется, все закончилось, – так с облегчением 22 февраля 2014 года одному из авторов этой книги сообщили по телефону новость о бегстве президента Виктора Януковича из Киева. Какой наивной кажется эта фраза сейчас.

Как известно теперь, по состоянию на 22 февраля 2014 года погибли 95 участников протестов на Майдане и 16 силовиков, а позже умерли от ранений еще несколько человек.

2 января 2015 года агентство Reuters сообщило: «В конфликте 2014 года, который спровоцировал сильнейший кризис в отношениях России и Запада со времен „холодной войны“, погибли более 4700 людей».

Данная книга охватывает период от бегства Януковича 22 февраля 2014 года до начала 2015 года. Она содержит репортажи двух украинских журналистов – Екатерины Сергацковой и Артёма Чапая, – написанные в течение 10 месяцев, а также важный текст московского филолога Владимира Максакова, который однажды летом записался добровольцем в «Донецкую народную республику», попал в плен и затем все это подробно описал.

В центре внимания авторов – аннексия Крыма, последовавшая за этим антитеррористическая операция на Донбассе, трагедия в Одессе и развернувшаяся вскоре после незаконных референдумов полномасштабная война. В мифологии разных народов есть такое понятие: божество, имени которого не произносят. Для целой страны этим божеством вдруг стала война, которую называли тремя буквами: АТО. О том, что в Украине идет война, а никакая не антитеррористическая операция, вскоре узнали все, но на официальном уровне так и остались эти три буквы.

В своих репортажах и записанных свидетельствах очевидцев авторы пытаются не столько показать последовательность событий и их политический и геополитический подтекст, сколько исследовать процессы в обществе, которые всколыхнули эти события, рассказать, как выглядят, чем живут и чего хотят участники событий, как реагируют на них простые люди, как меняется социальная, культурная, эмоциональная среда в разных регионах страны и за ее пределами. В конце концов, авторы сами время от времени теряются, задумываясь, как правильно назвать происходящее: антитеррористической операцией, гражданским конфликтом или российско-украинской войной.

Публикуемые репортажи, само собой, несовершенны и не тянут на полноценное исследование. Главное и важнейшее их свойство в том, что они являются неоспоримым отпечатком времени и представляют собой уникальные свидетельства ключевых событий, произошедших в стране за 10 месяцев 2014 года, поскольку порой самые важные решения принимались не в правительстве и администрации президента, а в «полях».

Авторы выражают благодарность изданиям Colta.ru, Insider, Сноб. ru, «Украинская правда», «Фокус» за разрешение опубликовать репортажи, людям, помогавшим в подготовке материалов, а также издательству «Фолио» – за возможность издать их отдельной книгой, которая позволит широкому кругу читателей узнать, что же происходило в самых опасных уголках страны в течение почти целого года.

«Зеленые человечки» и «референдум» в Крыму

23 февраля, на следующий день после бегства Виктора Януковича из Киева, в Севастополе проходит 20-тысячный митинг, на котором российский гражданин Алексей Чалый был провозглашен мэром.

В ночь на 27 февраля вооруженные люди без опознавательных знаков блокируют здание Верховного Совета Крыма в Симферополе. Вскоре они получают название – «зеленые человечки». В их присутствии происходит голосование за новых руководителей Верховного Совета и за роспуск местного Совета министров.

1 марта 2014 года президент России Владимир Путин вносит в Совет Федерации обращение об использовании войск Российской Федерации на территории Украины, и в тот же день Совет Федерации его одобряет.

Параллельно на юге и востоке Украины – в Донецкой, Луганской, Харьковской, Одесской областях – проходят пророссийские митинги.

Так, 1 марта на митинге в Донецке провозгласили «народного губернатора» области – организатора детских праздников Павла Губарева.

1 марта в Луганске возле облгосадминистрации участники митинга подняли российский флаг.

В Одессе 1 марта митингующие совершают неудачную попытку штурма здания облсовета и ненадолго поднимают над ним российский флаг. Вскоре после этого одного из организаторов этой акции, Антона Давидченко, задерживает СБУ.

В тот же день в Харькове после штурма облгосадминистрации неизвестные поднимают флаг России. Ответственность за это взял на себя житель Москвы.

Рокер face по-крымски

Я думала, что еду в оккупированный Крым. Что воздух будет заряжен энергией надвигающейся войны. Что на вокзале увижу вооруженных людей в камуфляже. Что в Армянске пассажиров ссадят с поезда и оставят посреди поля. Что вокруг будут обеспокоенные неравнодушные лица.

Увидела другой Крым. Спокойный, равнодушный, весенний.

Жизнь идет своим чередом: таксисты зазывают на курорты: «Ялта! Алушта! Севастополь!» – набрасываются на приезжих как ни в чем ни бывало. Автобусы по всем направлениям ждут своих туристов. Туристов, правда, мало, и не уверена, что они вообще есть, но их ждут, и это удивительно.

Друг говорит: «Крым – это сплошной рокер face: делают вид, что ничего не замечают».

В Симферополе проходят два митинга: один возле Верховного Совета, другой – у Совета министров.

Днем возле Совмина местные активисты снимали украинские флаги и вешали вместо них крымские. Один экзальтированный мужчина принес упаковку с бело-сине-красными флагами: «Давайте повесим российский, чего там!»

Повесили. На вопрос, что за организация, один из активистов ответил: «Организация объединенных наций». И засмеялся так странно...

Афганец рассказывает на камеру, что возле метро «Тараса Шевченко» в Киеве его вместе с десятками других активистов, приехавших на Майдан помогать «Беркуту», облили «коктейлями Молотова», а девушки-«бандеровки» до смерти забили семерых его соратников. Он не говорит, он кричит.

Бывший сотрудник силовых структур рассказывает, что он против войны, что он за расширение полномочий автономии и против «бандеровцев», что дружит с крымскими татарами, что Крыму хорошо без всех остальных... Я верю ему, он не кричит.

Неизвестный парень в камуфляже с автоматом подходит ко мне – я держу планшет с онлайн-трансляцией – подходит вплотную, я чувствую этот чертов автомат. Он требует отойти и не снимать. Другой, в гражданском, толкает вперед, отводит за локоть.

Тот сотрудник силовых структур говорит им: «Она наша, крымская!» Они успокаиваются.

Но что, если бы у меня не было крымской прописки и российского паспорта, который мне уже искренне противен? Нет, я уважаю свою родину, люблю своих российских друзей, но... Все сводится к одному имени, вы его знаете.

Некоторые здесь говорят: «Путин – наш президент». Я запуталась. У каждого, видимо, уже свой президент. Янукович, Турчинов, Путин. Лично у меня президента сейчас нет. Президент – это что-то иное. Не имя...

Некоторые из тех, кто не кричит, сказали: «Спасибо Майдану за то, что научили нас, как поднимать восстание. Мы многое поняли. Мы осознали себя».

Другие понимают, что Майдан и новая власть – это разное.

Иные от слова «Майдан» сжимают кулаки и принимаются кричать.

На площади Ленина выступает группа «Русские». Говорят, приехали по своей инициативе, поддержать мирное собрание. И еще приехали «Земляне». Для меня здесь все инопланетяне – с каких-то других планет. Называют меня, россиянку, украинским нацистом. Говорят, что меня «помнут» и «завалят».

Женщина кричит: «Когда Путин скажет нам „Доброе утро, страна!“ – для меня это будет самый светлый день».

Дама с собачкой истошно вопит, что хочет в Россию.

Вокруг вообще все так истошно вопят, что хотят в Россию, что кажется, будто это спектакль. А еще кажется, что все это искренне. И оттого еще страшнее.

Вечер. Митинги завершились.

По улице идет пенсионерка с украинским флагом. Спрашиваю: «Вам не страшно одной так ходить?»

– Нет, – говорит на украинском, – никого не боюсь. Пусть хоть режут. Слава Украине!

Екатерина Сергацкова, «Украинская правда»

3 марта 2014

Всё наоборот

Разговоры о гражданской войне надо было начинать с разговоров о Крыме. Если что-то подобное и происходит – то именно здесь, а не в Киеве, где народу противостояли силовики, защищавшие власть.

В Крыму силовики пока что защищают народ, что бы ни приказывал им новоявленный глава Совета министров Аксёнов.

Вчера возле военной части в Симферополе проукраинские активисты – редко кто их здесь так мягко называет, обычно зовут «бандеровцами» и «фашистами» – стихийно собрались. Без флагов и лозунгов – чтобы поддержать силовиков. Несколько активистов предложили остаться ночевать в части, на всякий случай.

Вышел полковник, пообещал, что военные, несмотря ни на что, будут стоять на стороне народа. Захотелось ему поверить – он говорил искренне. Чувствовалось: переживает.

Пока полковник общался с активистами, рядом с частью собралась группа «титишек» – так бы их назвали, будь мы в Киеве. Красные лица, перегар, сигареты в зубах – мрачное зрелище. В Крыму таких называют «самообороной».

В Крыму вообще всё наоборот.

Вместо украинских флагов люди носят триколор. Желто-голубые ленточки здесь – как проказа. Носишь украинскую символику – ты нацист и «бандеровец», говоришь по-украински – провокатор. Провокаторами называют и тех, кто задает слишком много вопросов.

Проукраинским активистам приходится ходить тихо. О встречах уже никто из них не договаривается по телефону.

На площади Ленина в палатке КПУ собирали мнения о том, что делать с памятником «вождю». Варианта три: перенести, оставить, установить на его месте фонтан. Кажется, большинство голосовало за «оставить».

– Зачем его сносить? Это моя история! – возмущается афганец, он уже знает меня в лицо. Это он пару дней назад рассказывал, что его обливали «коктейлями Молотова» в Киеве. – А кому нужен фонтан, то пускай его поставят прямо перед Лениным. Ну а что?

Бабушка держит плакат, где красными буквами выведено: «Наша Россия» и нарисован серп и молот. Спрашиваю: «Почему советская символика, если вы за Россию?»

– Потому что Россия – это Советский Союз, – говорит. – Вы что, историю в школе не учили?

Одновременно на меня набрасывается другая бабушка. Утверждает, что я снимаю вранье.

– Так я же онлайн снимаю, вот что вы говорите, то и показываю, – оправдываюсь.

– Да все ты врешь! – хватает меня за руки, визжит. Из-за спины ей поддакивают.

Со всех сторон подходят люди, рассказывают, как хотят, чтобы образовался союз «Россия – Украина – Белоруссия». Кто-то заявляет:

– Пускай батька Лукашенко придет и порядок тут наведет!

Крым – перевертыш.

Если тысячи людей вышли на Майдан за перемены, за прогрессивное развитие страны, то здесь люди требуют реверсии. Если на Майдане друг другу в глаза посмотрели тысячи людей с новым типом мышления, далеким от советчины, то в Крыму встретились взгляды ушедшей, деградировавшей эпохи.

Выходя с советской символикой, крымчане на самом деле требуют российского империализма. Сочувствуют не коммунистическим, левым ценностям, а мифе о советском благосостоянии.

Майдан для них – это образ того мира, который они не готовы принять. Поэтому они верят в такого бабая, как «бандеровцы», не интересуясь, кем был тот самый Бандера.

Лозунг «Слава Украине!» здесь произносят тихо. И отвечают шепотом: «Героям слава!» Но и «Слава России!» здесь тоже никто не кричит. Кричат просто: «Россия!», без всякой «славы».

Крым – это пространство мощнейшего когнитивного диссонанса. Понять крымчан, ратующих за присоединение к России, воссоздание СССР или отделение автономии, могут только те, кто здесь жил.

Увы, долгие годы на Крым не обращал внимания Центр, считая его, возможно, беззубым курортным придатком. А у придатка за это время накопилось немало злобы на тех, кто его регулярно «кидал». Не кидала только Россия – верный большой друг.

Поэтому «самооборона» здесь защищает от проукраинских активистов-«титушек», «нормальные» люди носят российские и георгиевские ленточки, а организаторов движения «Стоп Майдан» считают героями.

Наличие российских военных на территории Крыма – пустяк по сравнению с тем, какие военные действия идут в гражданской среде.

*Екатерина Сергацкова, «Украинская правда»
4 марта 2014*

Вирус в активной фазе

Бледно-розовая крепость, некогда служившая верандой советского кафе. Мой друг пытается поймать в кадр прячущихся за ней «зеленых человечков», более известных в народе как «вооруженные вежливые люди». Это те самые ребята в российской форме с автоматами, которые внезапно появились в Крыму 27 февраля.

Подбегает молодая женщина. «Зачем вы их фотографируете? Вы что, в зоопарке?!» Голос срывается, дрожит. Спрашиваю ее: «Вы нервничаете?» – «Да, я нервничаю!» – «Почему? Вы знаете этих ребят?» Она отнекивается, лезет в сумочку и трясущимися руками достает мобильный телефон, фотографирует наши лица. Сейчас тут многие так делают.

– Почему вы их защищаете? – интересуюсь.

– Они защищают меня, а я защищаю их! – бросает она и убегает в банк по соседству.

Мы недоуменно переглядываемся: что это было?..

Может, это запоздалый ответ на то, как люди беспрестанно фотографировались на фоне отряда «Беркута» на Банковой? Наверное, женщина посчитала, что их это унижает...

Сережа сегодня впервые приехал в Крым, голова у него разрывается. Рассказывает, как увидел среди «самообороны» парня с украинским флагом. А ему объяснили, что это такой стиб над проукраинскими активистами.

Каждая встреча двух лагерей оборачивается скандалом и грозит перерасти в драку. Все, кто стоит на «украинской» стороне, это, по мнению других, западенцы, «бандеровцы» и «майданутые». На Майдане им платили, а теперь они сюда за деньги приехали стоять, расшатывать крымскую мирную землю. Ответы «да я же местный!» – не принимаются: все, кто мыслит вне георгиевских ленточек, – предатели. Так и говорят: предатели, убирайтесь отсюда.

При этом у крымчан нет единой позиции в отношении к происходящему. А у некоторых позиции меняются каждые пять минут, в зависимости от собеседника.

Большинство уверены, что Янукович наворовал так, как не воровал никто из украинских правителей – но при этом признают его легитимным президентом и винят «Кулювлоба» в том, что тот и еще несколько «радикалов-фашистов» незаконно захватили власть. Соглашаются, что власть в Крыму тоже была свергнута незаконно, но «ведь это вы показали нам такой пример, теперь уж разбирайтесь».

Солидный мужчина на митинге в Ялте вступил в дискуссию с активистами. На вопрос, считает ли он, что Крым должен остаться в составе Украины, сказал: «Что-что вы сказали? В этом ПРОЕКТЕ?»

Страной Украину он, видимо, не считает.

Градус дискуссий настолько высок, а уровень так низок, что разобраться, чего именно хотят крымчане, просто невозможно. Это какая-то смесь гречки, манки и овсяных хлопьев, политых то ли сиропом, то ли застоявшейся водой из цветочной вазы.

Сможет ли всекрымский референдум поставить все на свои места?

И сможет ли новая власть обеспечить его легитимность?

Крымчане не принимают радикальную риторику, они привыкли к спокойствию и благоденствию. Некоторые до сих пор уверены, что туристический сезон состоится, что все станет на свои места.

Очевидно, что сейчас здесь идет активная фаза серьезной болезни. Вирус спал в организме Крыма давно, а теперь активизировался.

Обезболивающие препараты и симптоматическое лечение не помогут. Требуется сложная болезненная операция с наркозом и длинным периодом реабилитации.

Но чтобы понять, как лечить – надо успокоиться и распутать этот странный и страшный клубок.

*Екатерина Сергацкова, «Украинская правда»
5 марта 2014*

Юлий Мамчур – герой из «Бельбека»

Маленькая воинская часть возле аэродрома «Бельбек» окружена панельными пятиэтажными домами.

Это общежития военнослужащих. Низкие потолки, маленькие комнатки. В одном из таких домов живет командир тактической бригады авиации Юлий Мамчур с семьей.

После появления в интернете видео, на котором он бесстрашно ведет подчиненных с одними флагами под нестройное исполнение государственного гимна отбивать у российских оккупантов захваченные рабочие места, полковник стал настоящей звездой: в части его постоянно караулит пресса, чтобы взять очередной комментарий.

– Сейчас командира нет, он на переговорах с русскими военными, – говорит пресс-атташе части Алексей. – Он обычно общается с прессой, но сейчас сами понимаете... И знаете, он уже несколько дней кофе не пил. И не спит почти, – добавляет он.

Подъезжает машина и кто-то восклицает: «Командир приехал!»

Журналисты бегут к автомобилю, спотыкаясь о штативы с камерами. Из машины выходят несколько человек, и я сразу узнаю Мамчура: у него какие-то особенные черты лица. А может, просто ответственность, которая на нем лежит, как-то по-особенному его освещает.

Увидев прессу, он смеется и подает знак рукой: не сейчас. «Ну, ей-богу, потерпите», – и направляется к штабу.

По дороге к нему устремляется хрупкая маленькая женщина в серо-синей куртке – супруга Лариса. Когда я знакоилась с ней и подала руку, она дотронулась до моей ладони буквально кончиками пальцев – очень мягкое касание. Видно, что серьезно устала, и от журналистов тоже. Лариса говорит тихо и постоянно держит наготове телефон.

– Мамчур! – произнесла она негромко, но уверенно. Командир обернулся, увидел ее и рукой показал, чтобы она шла за ним.

– Вы же понимаете, что вас во всей Украине уже считают героем? – спрашиваю я у Мамчура, когда нам удается отойти в сторону от толпы корреспондентов.

– Теперь знаю, – мягко улыбается он.

За последние несколько дней командир бригады авиации испытал многое. На «Бельбеке» была и стрельба, и провокации, а сегодня ночью представители «самообороны» повредили военную технику.

Мамчур теперь постоянно проводит переговоры с российской стороной, чтобы ситуация не дошла до полного беспредела. И если раньше ему и его семье угрожали – и расправой, и уголовным процессом, – то теперь пытаются задобрить.

По признанию командира, россияне предложили ему в обмен на сдачу части квартиру в Севастополе. Неплохое предложение для человека, вынужденного обитать в маленьком общежитии.

– А вы знаете, квартиры нынче очень дорого стоят... – говорит Мамчур и, улыбнувшись, добавляет: – Я отказался, конечно. Ведь я присягу давал украинскому народу. Разве я могу его предать?

Глаза у Мамчура уставшие. Общась, он поджимает чуть дрожащие губы.

После встречи с журналистами он отправится на очередные переговоры. С «северными братьями» – так командир называет россиян – он общается по два-три часа в день. Спать ему совершенно некогда, и я его очень понимаю. Тоже не сплю.

Когда российские «зеленые человечки» заблокировали подвоз пищи к базе аэродрома, караул голодал два дня.

– Тогда мне пришлось договориться с россиянами, снять ребят с постов и самому занять охрану оборонных объектов, – рассказывает командир. – А потом произошел силовой захват, – сожалеюще добавляет он.

Командиру страшно жаль, что в Крыму сложилась такая безвыходная ситуация.

– Я не ожидал, что такой поворот событий возможен в нашей стране, что наши братья россияне так поступят... Было неприятно. Но верность присяге – самое главное, что может быть.

У Мамчура теперь часто спрашивают, что он будет делать дальше. Станный, в сущности, вопрос, ведь ситуация меняется несколько раз на день. Но уставший командир отвечает:

– Мне хотелось бы иметь уверенность для моих военнослужащих – как нам дальше жить и где проходить военную службу.

А на еще один глупый вопрос о том, страшно ли ему, что могут возбудить уголовное дело из-за отказа присягнуть на верность новому руководству Крыма, он пожимает плечами:

– А чего мне должно быть страшно? Одним больше, одним меньше...

Екатерина Сергацкова, «Украинская правда»

7 марта 2014

Феодосия и Керчь. Приглашение в бойцовский клуб и цветы

Мы приехали на базу батальона украинской морской пехоты в Феодосии, чтобы встретиться с подполковником Дмитрием Делятицким.

Это он послал куда подальше Дениса Березовского, который, пробыв ровно сутки командующим ВМС Крыма под руководством новых украинских властей, принял присягу крымской власти и предложил украинским частям сложить оружие.

– Командир очень занят, да и вас в часть эти ребята, – кивает на людей с георгиевскими ленточками, – не пропустят, а через забор девушкам перелезть опасно, – говорит мне офицер Анатолий Мозговой.

Толя – настоящий красавец. Внимательный, галантный, уверенный. Говорит, что офицеры в части не станут предавать украинский народ и будут стоять до конца. В части не все так сложно, как это описывают в СМИ и соцсетях.

«Ленточные» их не трогают, но пытаются оказывать психологическое давление. Однажды даже вырубил свет.

С тех пор тут спокойно. Правда, за журналистов военные сильно переживают.

– Мы знаем, как к вам относятся. Не ходите поодиночке, пожалуйста, и старайтесь поменьше разговаривать с этими психами, – говорит Толя.

Возле базы, рядом со стадионом «Кристалл», разбит крошечный лагерь «самообороны», стоят два БТРа, перегораживающих дорогу к части. У обочины переминаются с ног на ногу молодые ребята – почти подростки. Просят подключиться к нашему вай-фаю, делятся шутками из «ВКонтакте». Один из них сообщает:

– Да я вообще из Москвы, просто приехал к другу.

Выясняется, что здесь много молодых россиян, и все они якобы приехали навестить друзей. Один за другим проезжают автомобили с московскими номерами.

Подходит парень крепкого телосложения в пайте с капюшоном, называет себя Спартакком.

Узнав, что мы ведем онлайн-эфир, просит предъявить паспорт, фотографирует адрес прописки и только тогда начинает свою речь:

– Тут все за Россию, понятно? Вообще все! Поверьте, это настоящая правда, а то, что показывают по телевизору, – вранье. Нет, мы, конечно, за мир и единство. Но западенцы нам тут не нужны, ясно?

И добавляет:

– Передайте западенцам, что когда они сюда приедут, пускай заходят в клуб «Гладиатор», мы их там хорошо встретим.

Спартак делает характерный жест кулаками. «Гладиатор» – это местный бойцовский клуб.

Молодые парни из «самообороны» сообщают, что сотрудничают с местной милицией.

– Раньше они меня постоянно принимали за драки, а теперь я с ними здороваюсь и общаюсь нормально, – не без гордости заявляет один из них.

Подходит мужчина – как выясняется позже, афганец – и начинает задавать уже привычные вопросы:

– А правда, что на Майдане в людей стрелял не «Беркут»? Нет? А может, просто вы продажная пресса? Все вы продажные!

Доходит до оскорблений.

Еще афганец рассказывает мне историю, как два дня назад крымчан в Киеве массово облили «коктейлями Молотова» и подожгли, а семерых убили «бандеровки».

Эту историю я уже слышала четыре дня назад от другого афганца в Симферополе, только даты он называл другие...

Когда мы добрались до военной базы на девятом километре под Керчью, стемнело. Возле части дежурят двое пожилых мужчин, называют себя казаками. Снимать не дают – закрывают камеры перчатками, толкаются.

– Вы «бандеровцы», да? Да-а-а, вижу, что «бандеровцы», – говорит один из них.

– Вас всех давить надо, – говорит другой. – Вот моя мать пенсионерка – и та говорит, что была б она посильнее, придушила бы вас всех.

Поднимается ветер, колышется высокая трава. Одинокий дорожный знак, торчащий в поле, как якорь, раскачивается, мерно поскрипывая. Тускло светит неполная луна. Тихо, темно и тревожно.

Возле воинской части в керченском стройгородке нас встречает целая толпа агрессивных «ленточных»: останавливают машину, просят всех на выход, угрожают фотографу Сереже, лезут с кулаками.

В это время такие же ребята избивают журналистов в Севастополе, но мы об этом еще не знаем.

Перепалку пресекает Алексей Никифоров – военный, организовавший знаменитый концерт офицеров, которым проникся сам Вакарчук.

– Мы вас в часть не пустим, – развязно сообщает «ленточный». Алексей смеется ему в лицо.

– Эти «бандерлоги» просто так чушь несут – пугают, – объясняет он мне. – Прав у них никаких нет. Так что, раз вам сказали, что в часть вас не пустят, то торжественно приглашаю вас в часть!

На территории базы морпехи встречают нас с безумной радостью.

– Мы невероятно счастливы, что вы нас поддерживаете, что вся Украина нас поддерживает, – говорят офицеры. – Если бы не вы, кто знает, может, и не продержались бы.

Местные жители относятся к ним по-разному. Кто-то приносит еду и оплачивает телефонную связь, а кто-то плюет в лицо...

Выходит командир батальона Александр Саенко. Уставший и довольный. Вручает мне и Маше, приехавшей в Крым с подарками военным, гвоздики. Он не готовился, просто два букета случайно остались после поздравления женщин с Восьмым марта. Смеется, шутит.

Вдруг опускает голову и произносит:

– Возможно, сейчас я поставлю крест на своей карьере, но я не могу не сказать. В нашу часть приехали сержанты из Киева, чтобы поддержать и пожать руку. Но я не понимаю, где генералы, которые объяснят нам, что происходит? Где наши депутаты? Они должны быть здесь, но они тоже не приехали... Мои офицеры задают один и тот же вопрос: что будет дальше? Как себя вести? Это страшно, когда один брат может убить другого. Солдаты смотрят друг другу в глаза через приборы и хотели бы улыбнуться, да не видно улыбки через приборы...

Ком в горле. В голове – те же вопросы. Неужели Крым вот так вот запросто перейдет в ведомство другого государства?

– Как бы там ни было, мы не падаем духом, – продолжает Саенко. – Я горжусь своим личным составом, сержантами. Даже если в этой войне мы погибнем, то морально мы победили.

В ночь на восьмое марта в восточном Крыму спокойно. Тиха украинская ночь...

Екатерина Сергацкова, «Украинская правда»

8 марта 2014

Конец первой крымской весны. Разговор с «зелеными человечками»

Говорят, в Крыму всегда две весны. Неделю назад здесь закончилась первая. Природа, кажется, остро реагирует на происходящее: третий день гуляет лютый ветер.

Едем в Перевальное – передать в самую крупную на полуострове воинскую часть письма со всей Украины. Нам помогает ялтинский активист, он просит «отсыпать» ему горстку писем для военнослужащих в Массандре, которая уже тоже оккупирована «зелеными человечками».

По дороге забираем Валю, она служит в этой части вместе со своим мужем. На Вале – спортивный костюм, кроссовки, волосы собраны в хвост. Она рассказывает, как за несколько часов до прихода российских войск командование отправило ее домой, в отпуск. С тех пор она почти каждый день проходит мимо «зеленых человечков» в часть, чтобы проведать супруга.

– На самом деле все не так тяжело, как это описывают некоторые СМИ, – рассказывает Валя. – Как-то вышел сюжет на украинском канале, что во время штурма было около ста жертв и куча раненых, что военным нечего есть и нет электричества. Мне в ужасе звонили родственники с Украины. Но ничего такого и в помине не было!

Да, Валя говорит «с Украины». Для нее Крым, как и для многих здесь, – отдельное от страны пространство. Остров.

Передаем коробку с письмами. Один из военных тут же разворачивает письмо, читает с улыбкой, складывает обратно. «Ну что, будем держаться!» – смеется он.

Позже появляется видео, как Валя в части вручает военным по письму. Радуются, как дети. Правда, говорит она, в последнее время из этой части уволились несколько человек – не выдерживают натиска: «Тяжело в такой обстановке работать, вот и уходят». А сама Валя выходит на службу с завтрашнего дня.

База оцеплена «зелеными человечками». Они караулят под деревьями, форма сливается с намечающимися листьями.

Подхожу к одному из них близко. Он не возражает, дуло автомата устремлено в небо. Форма поистрепалась, ткань, обившая каску, местами разорвана, сапоги в высохшей грязи.

– Холодно тебе? – спрашиваю. Он смотрит на меня глазами, слезящимися от холода. Совсем юное лицо обветрено. Кивает.

Не уверена, но, кажется, ему боязно и обидно, что приходится вот так стоять в чистом поле по чьей-то невнятной указке. Ему не передают писем от россиян с благодарностью за верность и выносливость, не приносят «сникерсов» и не жмут руку. Он здесь чужой. Чужой, защищающий Хищника.

Разговорились с группой «зеленых» возле одного из КПП. Все очень молодые, кроме командира, ему где-то тридцать.

– Вот ты мне скажи: твой дед за кого воевал? – спрашивает он активиста. Тот отвечает: «За Советский Союз, за кого же еще...» Дискуссия о том, что сейчас происходит, плавно скатывается к теме Второй мировой и, конечно, мифическим «бандеровцам».

– Мы же видели, как там, на Майдане, кидали «коктейли Молотова». Вот кто эти люди? Разве они не фашисты? – говорит юный «зеленый человечек». Пытаемся объяснить, что на Майдане стояли и продолжают стоять в основном интеллигентные люди с двумя высшими образованиями.

– Вот мы похожи на фашистов?

– Нет, не похожи, мы вас и не имеем в виду, – говорит он.

Кажется, он сам смущен тем, что его внутренние установки не работают.

«Зеленые человечки» не скрывают, что они из России. Они даже не знают, в какой части стоят, в каком населенном пункте. Им просто дали приказ.

– Чего вы боитесь? Ну, будет Крым российским, так чего в этом плохого? У России много денег, здесь будет лучше жить! – говорит командир «зеленых». – На кой вам тот запад Украины? Там же никаких ископаемых нет!

– Там наши друзья, – отвечаю. – Не нужно нас разделять.

Ледяной ветер сбивает с ног. На ребятах тяжелая форма. Очередной порыв ветра отталкивает их от нас на несколько шагов.

– Я хочу сказать, я знаю, что сейчас идет прежде всего информационная война, – говорит самый юный из «зеленых человечков». – Нас просто натравливают друг на друга.

– Не переживайте, вот пройдет референдум, и народ решит, чего хочет, – пытается заверить командир.

Да. Только сможет ли этот «референдум» пройти честно под дулами автоматов?

– Никто с оружием у избирательных участков стоять не будет, – говорит командир.

Знает ли он это наверняка?..

До «референдума» остается пять дней. Похищено уже восемь активистов и журналистов. В поездах люди в камуфляже обыскивают пассажиров и проверяют паспорта. Правозащитники вынуждены скрываться и вести подпольную работу.

«Зеленых человечков» в Крыму все больше.

Им холодно и, наверное, странно оттого, что уже две недели они являются живыми скульптурами в камуфляже от Юдашкина. Но они давали присягу родине, с которой так хотят воссоединиться некоторые крымчане.

...В Крыму закончилась первая весна. Чего же ожидать от второй?

Екатерина Сергацкова, «Украинская правда»

11 марта 2014

11 марта 2014 года Верховный Совет Автономной Республики Крым и Севастопольский городской совет приняли декларацию о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя. В соответствии с декларацией, в случае решения народов Крыма в результате «референдума» войти в состав Российской Федерации Крым будет объявлен суверенной республикой и именно в таком статусе будет воссоединен с Российской Федерацией на правах субъекта.

Жемчужина Крыма. Кулачный бой

– Пожалуйста, приезжайте в Ялту и всех зовите. Кажется, тут будет жестко, – говорил мне утром активист ялтинского Евромайदानа Антон. Вечером он уже звонил и рассказывал, как за ним гнались байкеры, а завтра же он собирается с семьей выезжать из Крыма. До лучших времен.

Ялта, главный курортный город страны, внешне выглядит как прежде: пальмы, горы, солнце.

Но что-то в этой картине не так.

Под пальмами кучкуются люди в сером, на фоне гор реет российский флаг, а солнце мерцает на начищенных до блеска мотоциклах «Ночных волков».

Перед памятником Ленину появилась сцена, увешанная лозунгами «За народное единство». Выступают женщины в кокошниках. Поют: «С Россией будет лучше». Здесь должен был проходить проукраинский митинг, но внезапно планы поменялись. На месте, где должны были обосноваться активисты, появились суровые ребята в спортивной одежде и необъятные русские байкеры.

Пожилая женщина рассказывает, как покупала украинскую ленточку, а ей сказали, что лучше не рисковать. Ленточку она все равно купила. Серая шапочка, старенький плащ. Улыбается.

– Я родилась на Дальнем Востоке, папа мой был белорус, а муж – украинец, – говорит она. – Я люблю Украину, с ней Бог, а Бог не хочет войны.

Продолжая улыбаться во все – сколько у нее их осталось? – зубы, добавляет, как бы про себя: «Не убивайте! Не лгите! Украина голосистая, музыкальная, талантливая...»

Через полчаса эту женщину собьют с ног мужики с российским акцентом. Она будет скандировать, улыбаясь: «Слава Украине!» – и теревить желто-синюю ленточку, а ее повалят на асфальт.

Эти же мужики растопчут украинский флаг, столкнут с фонтана проукраинских активистов и будут скандировать: «Фашизм не пройдет!»

О каком же фашизме идет речь?

– Да вы «бандеровцы» все, едьте отсюда на свою Украину! – стандартно говорят женщины, подошедшие на заварушку. Мужчины менее разговорчивы: закрывают рукой камеру и обещают «навалить». Один из них без лишних предупреждений просто врезал мне по лицу и попытался вырвать планшет. Не удалось.

После этого еще успела заснять, как байкеры напали на пожилого мужчину, а потом, как-то по странному вежливо, усаживали его, побитого, с поврежденной головой, на плетеный стульчик на летней площадке местного кафе.

Митинг закончился. Кто-то ищет свою камеру, отнятую то ли «самообороной», то ли байкерами, кто-то продолжает визгливо обсуждать геополитическую обстановку.

– Вы нам тут не нужны, понятно? – надрывается женщина. На ней шуба и парик. – Вас там на Майдане пичкали наркотиками, а вы и сюда добрались. Вот сколько вам заплатили?

По набережной двигаются люди с георгиевскими ленточками. Невольно сворачиваю на безлюдную тропинку, беспрестанно оглядываюсь, говорю тихо. В это время организатор митинга Антон пытается скрыться от агрессивно настроенных мотоциклов. Каково ему, коренному ялтинцу, бежать от иностранцев, считающих, что эта земля теперь принадлежит им?

До «референдума» еще два дня.

За набережной виднеется море. Только не ласковое оно какое-то. Не ялтинское.

Увидит ли оно этим летом туристов? Порадует ли кого-то?..

*Екатерина Сергацкова, «Украинская правда»
14 марта 2014*

16 марта в присутствии значительного количества «зеленых человечков» (а по факту – российских солдат) в Крыму проходит не соответствующий международному законодательству референдум о выходе республики из состава Украины. «Референдум» официально бойкотирует сообщество крымских татар.

Официально заявлено, что за присоединение Крыма к России высказались 96,77 % голосовавших при явке 83,1 %.

18 марта Владимир Путин подписывает с премьер-министром республики Крым Сергеем Аксёновым, спикером новосозданного Государственного Совета Крыма Владимиром Константиновым и «народным мэром» Севастополя Алексеем Чалым договор о принятии Крыма в состав России. 21 марта, по российскому законодательству, этот договор вступил в силу.

Между Киевом и Москвой

27 марта Генассамблея ООН приняла резолюцию, признающую «референдум» в Крыму не соответствующим международному законодательству. Присоединение Крыма к России признают лишь несколько стран-членов ООН: Афганистан, Венесуэла, Куба, Никарагуа, Северная Корея, Сирия, а также непризнанные на международном уровне республики Абхазия, Нагорный Карабах, Южная Осетия.

Чим живе пост-Майдан: чорний «Майбах» і Одноногий Тіхарь

Найочевидніші зміни Майдану після падіння режиму Януковича – зменшення підтримки ззовні та зниження середнього соціального рівня. Він тепер ближчий до середнього українського, ніж до середнього київського. Навколо немає черги з машин, які раніше підвозили шини та дрова.

– Мы тут сами по себе и сами от себя, – цю тезу обома мовами повторюють десятки людей.

Подивись на Крим! А якщо «триколори» сюди прийдуть?

Станом на середину березня на Майдані постійно живуть 2–3 тисячі людей. Близько тисячі активістів із різних сотень живуть у наметах. Кількасот – в Українському домі на Європейській площі. П'ятсот – у КМДА, але ці поступово залишають будівлю.

Також активісти залишаються в Жовтневому палаці, консерваторії, департаменті архітектури, Нацраді телебачення й радіомовлення, у відділенні зв'язку в приміщенні Головоштамту, в офісі «Київстару», в магазині Bosco та ще у кількох менших крамничках і офісах.

Окремий «філіал» Майдану – захоплений антикомуністами офіс КПУ на Подолі.

Ці люди дуже різні. Між ними існує тертя – наприклад, між «поміркованим» Українським домом і «радикальною» КМДА. Практично ніхто не підтримує нову владу: звучать фрази «проміняли шило на мило», «ділять портфелі, а нас злили».

Біля символічної барикади висотою по коліна на вулиці Прорізній жінка нападає на хлопців:

– Чого ви тут досі стоїте? Смітите тільки!

Ставлю запитання «Чого?» десяткам людей.

– Подивись на Крим! А якщо «триколори» сюди прийдуть? Хто буде Київ захищати?

Здається, він і сам собі не дуже вірить – але про Крим кажуть багато майданівців.

Більшість говорить і про інше. Найкращим підсумком є відповідь чоловіка років п'ятдесяти з Яремчі:

– Ми недовольні.

Мы их тут охраняем. А они...

– Бросьте пару гривен для охраны, – каже маленька жінка років тридцяти. – Или сигареты.

Ми потім довго розмовляємо, гріючись біля їхньої бочки. До шостої ранку чергує пара: вона – з Донеччини, він – із Херсонщини.

Крізь барикаду з бетонних блоків на вул. Грушевського їздять машини. Часом опускають вікна: «Слава Україні!» – «Героям слава!»

На пост підходять нові люди. Один смажить на залізному пруті сало.

– Эх, сюда бы еще картошки нанизать, – каже інший.

Той, що смажить сало, сміється.

Я й жінка сидимо на поламаному ряді стільців з якогось актового залу. Її хлопець з Херсонщини і ще один м'ясистий і трохи п'яний чоловік – збоку на дошках, поставлених на бетонні блоки.

– Вам что, переночевать негде? – запитала жінка, коли я засидівся.

– Человеку просто интересно, – каже жінці її хлопець, і до мене: – Вы извините ее.

– Да, я из Донецкой, – розповідає жінка. – Раньше у меня работа была. А тепер вот ребенка там оставила.

Жінка з Донеччини починає триповерховим матом крити Януковича. Жаліє себе і злиться на тих, хто проїжджає повз.

– Мы тут их охраняем. А они не останавливаются. А у охраны сигареты кончаются. Эй! Киньте пару гривен!

– Ты что? – шиплять на неї чоловіки. – Не подставляй нас!

– А чего они?

Вона трохи поплакала. Її хлопець м'яко втішав її. Він теж маленький. Металеві коронки на передніх зубах. Вона витерла сльози рукавом. Вона, як і решта, у б/в камуфляжі.

– Вы извините меня.

Спалений вхід на стадіон «Динамо» позаду них. Зів'ялі гвоздики на барикаді поруч. На обличчях відблискує вогонь з металевої бочки. Саме тоді мені вперше згадуються «Знедолені» Гюго.

Засланий козачок

Вписатись у якусь із сотень виходить не зразу. Стандартна відмова:

– Та тут стільки козачків засланих. І провокаторів.

Нарешті, показавши паспорт із пропискою, я вписався як земляк у коломийський намет – знаменитий тим, що прямо на Майдані вони насадили цибулю й моркву, а потім постійно троять усіх, що невдовзі заведуть на Майдані свиней.

Приходжу вночі. Сотниця Люба розписує мене на чергування з іще трьома хлопцями.

Коломияни називають сотню «коломийською», проте зі мною на барикаді – будівельник Валера з Запоріжжя, студент-програміст Павло з Полтави та ще Сергій з Черкащини. А наш зв'язковий на рації біля намету – вірменин Азат. Ми бачимо відблиск його вогню за сотню метрів від барикади. Кілька разів Азат приходить до нас, бо йому там самому нудно, а тут нас четверо.

Кожній сім'ї потрібен робот

Перший час неспокійно. Спершу на вуха сідає дід із білою бородою, який закликає знов іти на Раду й цього разу спалити її: «І то я не один такий». Валера з Запоріжжя врешті не витримує:

– Діду, вибачте, але не *біть мізки.

– Я не один такий! Дайте сигарету.

Сигарети – нав'язлива тема всі ці дні. Якщо їжа є, то сигарет постійно бракує.

Дід іде, закуривши. Але відразу з'являється чоловік у пальті з широкою усмішкою.

– Смотрите на него, – показує вдалину. – Что алкоголь с человеком делает. А можно, я вам стих расскажу?

Вірш виявляється довгим. Він про Ісуса. І це ще нічого. Бо потім чоловік розповідає, що кожній сім'ї потрібен робот, і цю інформацію треба донести до Верховної Ради.

Ми нарешті спроваджуємо й цього, але приходять старший чоловік із алюмінієво-пластиковим костуром.

– Теж вірш будете розказувати?

– Ха... А что, был и такой? Нет. Я разрабатываю законопроекты...

Після другої години ночі стає тихше.

Попри відносно теплу ніч, бочка з вогнем дуже потрібна. Інших дров немає, тому потрохи палимо барикаду: в ній багато напівобгорілих дошок. Треба тільки дивитись, аби на дошках не було гуми, бо сильно димітиме.

Обгорілий Будинок профспілок – гарне тло для нічних історій.

Чорний «майбах» і хорори Майдану

Ми не спимо вже довго, а у Валери з Запоріжжя гіпноітичний голос. От і пригадуються ешелони розстріляних робітників у «Ста роках самотності».

– Небесна сотня – це як мінімум небесна тисяча, – каже Валера.

– Я сам бачив, як по Інститутській вниз текла річка крові, – дивиться мені в очі студент Павло.

Вони вірять у те, що кажуть.

Сергій з Черкащини тільки тріщить у п'яті деревиною, а тоді приносить нові дошки. Спалахують іскри.

Ще є історія про Одноногого Тіхаря, який три місяці жив в Українському домі:

– А тут приходять лікар і давай його по мордяці лупити. Ми такі: «Ви що, інваліда?» – «Та він такий інвалід, як ти чи я!» Словом, це був тіхарь ментовський, він просто худий дуже, дві ноги в одну штанину запхав.

– Ну, це діла давно минувші, – каже полтавець Павло. – А щас тут знаєш, що твориться. Чув уже?

Я киваю. Вже третій день чую про розбірки між собою, про «кількох убитих щоночі» і що «позавчора хоронили одного».

– Чому ж ніхто не знає?

– А ти бачив тут хоч одного мента?

Вони вірять, що влада навмисне приховує інформацію про вбитих на Майдані вже після революції. З тим, аби потім оприлюднити всі факти, виставити їх терористами і провести повну зачистку.

– Тільки останні три ночі підозріло тихо, – каже Валера.

(Почута від стількох людей історія про вбивства мене дуже турбуватиме. Міліції, звісно, на Майдані немає, але лікарі «швидкої» постійно чергують у медпунктах у КМДА й Українському домі. Після побаченого на власні очі епізоду в КМДА я все ж запитаю у кількох лікарів, чи не було в останні тижні вогнепальних поранень. Відповідь: «Слава богу, ні!»)

– А про чорний «майбах», скажи? – продовжує Павло. – Ти ж сам його бачив, так?

Сергій киває й підкидає дров у бочку:

– Так, чорний «майбах», а на ньому – логотип Чорної сотні.

– Де вони взяли «майбах» за десять мільйонів баксів? – апелює до мене Павло.

Правдивість їхніх слів я за годину перевіряв на власні очі. До нашого посту повільно підїжджає чорний автомобіль із логотипом Чорної сотні на капоті. Він виявився бюджетним автомобілем марки KIA.

Підеш на підвал

О третій ночі по Хрещатику гримлять чи то вибухи, чи то постріли.

– О! КМДА гуляє! – сміється Валера. – А я ж казав, що вже три ночі підозріло тихо.

Хлопці розповідають дикі історії про тих, хто живе в КМДА відтоді, як після здачі «Свободою» будівлю захопили заново.

Валера впевнений, що вночі між поверхами КМДА «кладуть розтяжки», тобто мінують проходи внаслідок ворожнечі між групами. Звичайно, після таких історій дуже хочеться туди потрапити.

Але спершу намагаюся потрапити в Український дім. Бо хлопці на барикадах нав'язливо жартують між собою: «На підвал підеш!» Маючи на увазі саме підвал Українського дому. Вони впевнені: там влаштовують допити й тортури. Час від часу дописи про жахи, що кояться у підвалі, з'являються на Facebook'у.

На барикаді нас змінює бригада під проводом маленького на зріст хлопчика – він водій м'ясокомбінату з Краснодона Луганської області.

У будівлю мене проводять без бейджика, але зі скрипом.

– А, ваша ж сотня щойно приїхала, у вас іще немає бейджиків? – здаються охоронці.

Робимо морду цеглиною, киваємо. Проходимо.

В Українському домі тихо й на диво чисто. Тут не чути кислого запаху бездомності. Помито й підметено. Хлопці відразу йдуть мити руки, чого я без них не зробив би.

– Йдемо поїмо? – каже Валера.

– Оп'ять гречку з морковкою? – кривиться Павло.

– Да, от раніше у нас тут був комунізм, було добре. Але недовго.

Всі троє відмовляються піти зі мною показати той злощасний підвал. Вони бояться.

– Ти туди не попадеш. Разве що подопитною свинкою.

– А хоч де він?

– Біля Мистецької сотні.

Наляканий хлопцями, все ж спускаюся. Беру для конспірації чай і хліб із маслом, ходжу, їм і п'ю й нібито роздивляюся картини на території Мистецької сотні. Доходжу до краю. Є табличка з закресленим чоловічком і написом «подумай двічі», біля неї читає книжку черговий.

Ніна Потарська з Жіночої сотні потім підтвердила мені, що туди заводили людей «на допити». Те саме каже чоловік з Українського дому, який живе там тепер. Але максимум, про що відомо: тим, кого заводили, не дозволяли говорити по телефону. І курити.

Проштрикувати ментів арматурою

Залишок ночі в Українському домі ми не спимо, а продовжуємо говорити на кухні. Постійний рух: Майдан і вночі не спить. Підтягуються нові й нові люди. Нові історії про дні штурму, спалені БТРи й відірвані руки.

– Отам на Грушевського стояв один, причому з Донецька. Каже: мені ваша революція побоку, я хочу тільки мента вбити, – усміхається чоловік на прізвище Бізон. – І от цей із Донецька став попереду на Грушевського, аби першим бути, як менти підуть. Тоді у нього вроді не вийшло. От тепер разом із нами чекає нових.

У Бізона ясні очі й дитяча усмішка. Бізон – з Херсонщини. Велика голова, мускулясті руки. Бізон шкодує, що міліціонерів, яких брали у полон 18 лютого, відпустили:

– Ніхто так і не покараний. Треба було самим.

Бізон з десятків разів повторює фантазію про те, як ментів треба проштрикувати арматурою.

Як в Українському домі, так і в КМДА висить багато оголошень про психологічну допомогу тим, хто «гостро переживає останні події». Люди, з якими я спілкувався, по таку психологічну допомогу не зверталися.

У кого цікавіше стріляти

Від першого дня я помічав пістолети під бронезилетами в окремих людей. Але важко було сказати, чи вони бойові. Розповіді про автомати Калашникова до останнього сприймав, як страшилки на кшталт чорного «майбаха» чи Одноногого Тіхаря.

Виспавшись, за непрямим знайомством звертаюся в одну з сотень, що стоять у КМДА. Прошу почергувати вночі.

– Ну, у нас хлопці з автоматами чергують, – каже на моє прохання сотник. – Є в нас такі, що люблять зі зброєю погратися, а все одно це нічого не дає, крадуть, як і крали.

– Я не претендую на автомат...

Мене проводять у КМДА. Я справді бачу автомати. За ніч нарахував шість різних людей із «калашниковими».

Двоє, з ким стою я, викликають цілковиту довіру. Згадується фраза «ввічливі люди». Це єдина дисциплінована сотня, яку я бачив.

Один із охоронців із «калашем» – спокійний хлопець із Донецька, псевдо Донцов. Він півночі розмовляє по мобільному зі своєю дівчиною, в інший час пробую його розпитувати. Донцов виразно висловлює думки й тверезо мислить. Називає себе анархістом-націоналістом. Каже, що спершу сам організував хлопців у спаленому магазині біля барикади на Грушевського. Не наважуюся запитати, чи це не він мріяв убити мента, як розповідав Бізон.

Я ночую в КМДА після дня, коли вбили Олександра Музичка й затримали кількох активістів «Правого сектора» в Полтаві. По всьому Майдану вже висять портрети Сашка Білого з чорною стрічкою, але я не чув, щоб із нього особливо робили героя.

– Если «Правый сектор» с ментами стреляться начнет, вообще весело будет, – каже Донцов. – Мы покамест храним нейтралитет. Но если это будет невозможно, нам, конечно, интереснее в ментов стрелять, чем в «Правый сектор».

Брат «Че Гевари»

Біля КМДА кучкується група людей. Сваряться між собою. Часом на підвишених тонах. Є п'яні, але менше, ніж у якомусь гуртожитку чи в мене на районі ввечері. Проблема лише в тому, що в одного з п'яних – «калаш». Згадую історії, як сьомий поверх бився з восьмим: посварилися за те, «хто більше зробив для революції».

Багато бахвальства. Повний охоронець розповідає писклявим голосом бородатому двометровому чуваку:

– Ти Че Гевару знаєш вель? Такой з бородой.

– Е-е-е. А! Ну да!

– Знаєш, хто ето? Мій рідний брат! Це он мене сюда визвал.

(У кінці травня, під час повторного дослідження Майдана, автор і справді зустріне того брата, чоловіка на прізвисько Че Гевара – в береті, з бородою й деякою портретною схожістю.)

Чекаючи на зачистку

О першій тридцять – тупіт ніг. Натовп хлопців із палицями. На ходу застібають бронезилети. Між них – двоє з «калашами». Ломляться в бік барикади біля ЦУМу. Через десять хвилин повертаються.

– Знову здалося? – питає писклявий брат Че Гевари. – І так кожен ніч. Я щас скажу, що далі буде. З боку Майдану прибіжать нам помагати.

Він сміється.

Невдовзі з боку Майдану і справді підбігає інша група.

Натовп розсмоктується: хтось іде спати, хтось у бік Майдану – шукати пригод.

О другій ніч повз мене пробігають на вихід двоє підлітків, років по п'ятнадцять-сімнадцять. На ходу заправляють за пояси пістолети.

– Не махайте ними так! – кричить підліткам дядя Толік, авторитетний літній охоронець з автоматом.

Спускається сотник однієї з груп, що живуть у КМДА. Скаржиться, як важко йому контролювати своїх.

– Тому я й кажу, переїжджати треба! – зітхає дядя Толік. – А то ж 500 «тітушок» в одному будинку.

Параноїдальний охоронець приводить за шкуру якогось чоловіка. Апелює до дяді Толіка:

– Он ходит и слушает! Ходит и слушает, что мы говорим!

Спускається сотник затриманого, свідчить, що той свій.

Я згадую, як ходив у туалет робити записи, щоб не забути точні фрази. А якби хтось зайшов? Згадую, що у мене фотоапарат під курткою, хоч я й фоткав лише артефакти, а не людей. Намагаюся триматися під захистом дяді Толіка з автоматом.

– У меня крыша едет! Крыша едет! – скаржиться параноїдальний охоронець.

Повз нас пробігає хлопець із довгим чорним волоссям і вогником в очах. Показує рукою на свій телефон:

– В три часа ночи «Альфа» штурмует. Зачистка. Полная. Серьезные люди звонили.

Ця повна зачистка є архетипом у КМДА. Але о четвертій ранку дядю Толіка знову змінює Донцов, а о п'ятій я не витримую і йду спати. Змушую себе бодай роззутися, вмощуюся серед інших бійців і вирубуюсь.

Артем Чапай, Insider

2 квітня 2014

Часть майдановцев позже запишутся в Национальную гвардию. Часть пойдут в добровольческие батальоны. О нескольких автору достоверно известно, что они принимали участие в обороне села Пески возле Донецкого аэропорта.

На оставшихся – и новоприбывающих – все более будет давить общественное мнение и власть. Почти через полгода, после неудачной попытки 7 августа, Майдан окончательно зачистят от палаток 9 августа 2014-го.

Московское время

Посредине озера Донузлав стоит одинокий корабль – героический «Константин Ольшанский». Когда-то именно он эвакуировал из Ливии, где разгоралась гражданская война, украинцев и граждан других стран.

В ночь на 6 марта он оказался заблокирован российскими военными вместе с другими украинскими кораблями.

После того как состоялся «референдум», «Ольшанский» отошел от пристани и к берегу с тех пор не возвращается.

– Как только пришвартуемся, нас тут же атакуют, – говорит капитан Дмитрий Коваленко. И печально добавляет: – Завтра все окончательно решится. Стоять на озере мы больше не можем. Это конец.

По традиции, на закате на корабле спускают украинский флаг. С берега слышно, как играет гимн. Шлю капитану смс-ку: «Слава Украине!»

Никогда не думала, что буду вот так запросто слать подобные сообщения героям, пусть и проигравшим. Не их же вина, что так получилось.

Несколько дней назад я сидела в кабине Коваленко и слушала его истории и истории его соратников. Маленькая комнатка, полки с книгами про военных и корабли, крохотная тахта, сваренный кофе на подносе.

Каждый час слышалось, как в озеро с корабля вылетала граната. Командиры выглядели сильными и смелыми, шутили, что в случае атаки пальнут из пушек – «этим мало не покажется». Они понимали, что их бросили на произвол судьбы, но точно знали, что не намерены переходить на сторону оккупантов.

Вряд ли перейдут. Просто сложат полномочия и уедут подальше с захваченной земли.

Воинские части в Крыму окружены, повсюду военные переходят на сторону России. Но не все: есть такие, которые намерены стоять до конца.

Звонят из Севастополя: российский спецназ вынудил их разоружиться, приказал новый командир – раньше он был заместителем бывшего «проукраинского» командира. И тем не менее, они по-прежнему рассчитывают на защиту Киева.

Морпех Алексей Никифоров, который организовал в керченской части концерт офицеров, сообщает, что их еще не заставляют сдаваться – возле части по-прежнему только казаки, русских военных нет.

– Но скоро, видимо, все решится, – говорит он подавленно, хоть и пытается оставаться уверенным. – Простите нас. Простите нашу армию, простите за все.

Настроение у обычных крымчан по-прежнему приподнятое. Ездят с российскими флагами, обсуждают новые реалии, гадают, когда у них поднимутся зарплаты и пенсии. Правда, про туристический сезон говорят неуверенно.

– Скорее всего, сезона не будет, – размышляет мужчина, который держит кафе возле Донузлава. – Ну, раз не будет, значит, будем сами для себя готовить, и вот вы к нам приедете же, да?

Пожалуй, сейчас в Крыму только военные продолжают отстаивать национальные интересы Украины.

У простых крымчан теперь другие интересы. Крым готовится перейти на московское время и, судя по всему, перейдет.

Екатерина Сергацкова, «Украинская правда»

20 марта 2014

Украинские военные в Крыму. Сложный выбор

В Крыму штурмом взят последний корабль – «Черкассы». Последняя база морской пехоты тоже захвачена.

Командиры самых сильных частей уже несколько дней не выходят на связь. Говорят, их сейчас пытаются уговорить перейти на сторону России.

В своих интервью, когда они еще были на свободе, и Мамчур (аэродром «Бельбек»), и Делятицкий (батальон морпехов в Феодосии), и Коваленко (корабль «Константин Ольшанский») не раз говорили, что не собираются предавать Украину и будут стоять до последнего.

Российская интервенция прошла успешно: все украинские военные объекты были оставлены по приказу командиров либо взяты спецназом.

Некоторые из тех, кто следит за событиями, уже успели окрестить украинских морпехов предателями за то, что те не ответили оккупантам огнем. Кто-то считает, что нужно было потопить корабли, чтобы они не достались захватчикам.

У самих военных другое мнение на этот счет.

– Пожалуйста, расскажите всем, что мы не имели права стрелять, – говорит офицер штаба командования Военно-морских сил Украины Сергей Пидкопайло. – Некоторое время назад Тенюх говорил, что нам был дан приказ использовать оружие, но люди, далекие от военной службы, не понимают, что это значит. В воинских частях несется не караульная, а внутренняя служба. Караул охраняет только склады с оружием. В случае проникновения в часть военный может только вызвать милицию. Если он начинает стрелять, то попадает под уголовную статью.

Сергей рассказал, как начинались действия по захвату штаба в Севастополе.

– Мы получили приказ на сбор по тревоге и узнали, что наша часть начинает блокироваться. Просидели пару суток, пока они не заблокировали штаб ВМСУ. Ждали каких-то указаний, но их не было. Сидели, сидели... Каждый вечер, часов в 10–11, мы получали отбой тревоги и расходились по домам, а российские военные, как оказалось, все это время сидели на казарменном положении. Было понятно, к чему они готовились. А командование продолжало распускать нас по домам, потому часть не была приведена в высшую степень боевой готовности.

Почему так происходило?

По моему мнению, – а я военный с 17 годами стажа – это все было спланировано для того, чтобы мы не могли эффективно противостоять тому, что творится в Крыму. Помимо этого, мы не были готовы к обеспечению продовольствием внутри штаба, что сказалось позднее – приходилось делать вылазки и закидывать еду за забор. Нас там была «самооборона», но другого выхода не было.

Когда нам объявили ультиматум, мы получили команду сдать оружие, и мы сдали его в оружейные комнаты по приказу командующего Военно-морских сил, еще при Березовском. После этого мы забаррикадировались в зданиях, и нам объявили, что если не выйдем по-хорошему, то нас будут штурмовать спецслужбы и «Беркут». Позднее наше командование выдвинуло со штаба Березовского, пытавшегося склонить на службу властям Крыма, вместе с казачками, которые прорвались на территорию.

Мы забаррикадировались и стали ломать палки, потому что оружия нам не выдали. В итоге часть пришлось покинуть, и теперь я жду команду на эвакуацию. Да, Турчинов говорил, что военных будут перевозить на материк, но, кроме информации в интернете, никаких действий нет. Люди, которые остались верны Украине, до сих пор ждут приказов, но ничего конкретного не поступает. А если я сейчас выеду на материк, то буду считаться преступником.

Знаете, все, что здесь произошло, останется на совести военных начальников в Киеве. Если они хотят, чтобы мы дальше сохраняли патриотизм, они должны нам что-то сказать.

Вывезти наши семьи, гарантировать, что наши дети смогут нормально ходить в детские сады и школы... Многие уже сомневаются и с каждым днем теряют веру.

По мнению Сергея, да и многих других военных, украинское руководство должно было ввести военное положение, как только на территории Крыма появились российские военные и «крымская армия».

– Военное положение вводится не только во время войны, но и в случаях появления незаконных вооруженных формирований, угрозы терактов, захвата органов власти и местного самоуправления – все это происходило в Крыму. Руководство не взяло на себя ответственность за бездействие, а теперь нас могут объявить предателями. Я защищал свою воинскую часть как мог – простой палкой.

С морпехами феодосийского батальона мне удалось поговорить буквально за несколько часов до штурма российским спецназом. После этого они на связь не выходили, а командира батальона Дмитрия Делятицкого, до последнего твердившего, что часть не сдана, увезли в неизвестном направлении.

– Мы хотим достучаться до властей, чтобы они принимали уже какие-то решения и не затягивали, – говорит помощник командира по финансово-экономической работе батальона морской пехоты в Феодосии Александр Лантух. – Останусь ли я в Крыму? Однозначно буду переезжать. Я принимал присягу на верность народу Украины и хочу в дальнейшем проходить службу в украинской армии.

Александр планирует переехать на материк и продолжать занятия боевой подготовкой.

– Супруга и родители мной гордятся, – улыбается он. – Немного скучают, переживают. Но жена прекрасно знает, за кого выходила замуж, и переносит все тяготы и лишения.

– Боится? – спрашиваю.

– А чего бояться? Никто же не стреляет... – сказал морпех. Спустя несколько часов с вертолетов был открыт огонь по военной части. – Я ей говорю, что все будет хорошо.

Офицер батальона Анатолий Мозговой считает, что оставаться работать в Крыму – это предательство.

– Крым – это все-таки кусочек Украины, – говорит он. – Многих, конечно, заставили перейти на сторону России, запугали. Но я не смогу так жить, с этим в душе... В зеркало не смогу смотреть. Что я дочке скажу, жене, друзьям? Что после всех этих событий останусь жить в России? Это как, знаешь, пришли к тебе домой, забрали кусок – как палец оторвали. Это больно.

– Почему не эвакуировали нас вовремя? Может, надеялись на помощь, думали, что не все потеряно и есть шанс все вернуть.

На следующий день после того, как была выведена из строя феодосийская часть, с корабля «Константин Ольшанский» сошел капитан Дмитрий Коваленко и два десятка офицеров. Они спустили украинский флаг и исполнили гимн, после чего их вывезли с Донузлава в неизвестном направлении.

Удалось поговорить с моряком, старшим комендором корабля Артёмом Шуреберко, который оставил «Ольшанский» за день до захвата.

– На «Ольшанском» я прослужил три года – это был мой первый опыт. Он для меня родной, – грустно улыбается Артём, глядя на то, как буксир оттягивает куда-то знаменитый корабль.

– Команда у нас была сплоченная, раздоров не было. Правда, в последние три недели уже немножко ехала крыша. Мелкие ссоры, едва заметные, со временем стали перерастать в глобальные. До драк доходило. Но мы все равно до последнего стояли под флагом Украины.

Примерно десятая часть экипажа – местные, крымчане – выступала за присоединение к России, а украинцы были против. Но руководство команду ни к чему не подбивало.

Капитан до последнего старался, чтобы мы были одним целым, и разрешил сделать выбор – уйти с корабля или остаться.

Я выбрал первое: у меня жена, маленький ребенок, да и не смог бы я ничего сделать, начнись стрельба.

У нашего корабля мощностей нет против спецназа, у россиян подготовка гораздо лучше. Один мой выстрел – их два. Я бы погиб сразу же.

У моряка осталась обида на Минобороны: за все это время он видел только информацию о героическом «Гетьмане Сагайдачном», которому удалось отбить российские тральщики, и о прапорщике, которого застрелили в Симферополе. «Ощущение, как будто от тебя отказались», – говорит он.

Его супруга, крымчанка, агитировала Артёма перейти на службу России, но он смог переубедить ее переехать с полуострова на материк.

По словам моряка, решение покинуть корабль без боя было правильным.

– Мы до последнего ждали приказа от Киева, но его все не было. Сколько бы смог протянуть экипаж? Мы же не на суше, продовольствие рано или поздно закончилось бы. Сидели, как в консервной банке.

Вскоре после захвата «Ольшанского» произошел штурм «Черкасс». Как и в случае с другими украинскими кораблями, на тральщик забрался спецназ и вывел экипаж. Теперь все корабли будут служить России. Какая судьба ожидает украинских военных, остающихся на полуострове, до сих пор неясно. Как их примет Украина? Их ли вина в том, что в Крыму теперь нечего защищать?

Екатерина Сергацкова, «Украинская правда»

26 марта 2014

Новые «республики» и трагедия в Одессе

6 апреля в Донецке антиправительственные митингующие захватили здание областного совета, 7 апреля – облгосадминистрацию. В тот же день на митинге был провозглашен суверенитет так называемой Донецкой народной республики (ДНР).

В тот же день в Луганске неизвестные взяли штурмом здание СБУ. 27 апреля провозглашена так называемая Луганская народная республика (ЛНР).

7 апреля 2014 года и. о. президента Украины Александр Турчинов объявил о создании антикризисного штаба и о том, что в отношении вооруженных противников украинской власти будут приняты антитеррористические меры.

Чего хочет «Донецкая народная республика»

Девушка в черной маске с деревянной дубинкой за поясом ведет меня за руку через баррикады. Она еще школьница, лет шестнадцати. Движения четкие, речь поставлена, старается сделать свой голос грубее, чем есть.

– Я маску надела, потому что скрываюсь тут от своей классной руководительницы, – рассказывает Настя. – Она нас постоянно возила в военно-спортивные лагеря, мы там тренировались, как настоящие бойцы спецназа.

Настя активничает в Донецкой областной администрации с 27 февраля. Обычно разносит чай и «щупает» (так она называет досмотр) женщин на входе, а иногда просто патрулирует здание с дубинкой.

Говорит, что к ОГА каждый день приходят ее мама и сестра. Отец участвовать в этом не хотел, пока Настя, по ее словам, не разбила ему компьютер.

– Надоели эти «диванные войска»! Здесь, в ОГА, большинство людей – из других регионов, они почему-то нашли силы приехать и помогать. А в основном все сидят дома и думают, что за них кто-то что-то решит.

Сепаратистом Настя себя не считает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.